

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

О.Ю.Тимонина

THE FOLK ART IN EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF ANCIENT RUSSIA

O.Yu.Timonina

Институт непрерывного педагогического образования НовГУ, timonina.olga@novsu.ru

Показан воспитательный духовно-нравственный потенциал прикладного народного искусства, способствовавший в истории педагогики Древней Руси формированию человека с православным мировоззрением. Раскрываются многовековые народные педагогические традиции использования украшенных предметов интерьера, быта и народной одежды как важных составляющих воспитательной среды Древней Руси. Рассмотрены нерешенные до сих пор научные противоречия между реконструкцией и адаптацией в новых российских условиях идей и опыта народной педагогики.

Ключевые слова: *духовность, духовно-нравственное воспитание, педагогическое пространство, воспитательная среда, народное искусство, история педагогики России, нравственность*

The article presents spiritual and moral potential of the folk art. It contributed to the formation of a person with the Orthodox outlook of Ancient Russia. The article describes centuries of the folk traditions to use decorated pieces of furniture, everyday life and folk clothes as important parts of educational environment. The author shows unsolved scientific contradictions between the reconstruction and adaptation of the folk experience on the one hand, and fragmentary information about its possible ways, on the other.

Keywords: *spirituality, spiritual and moral education, educational environment, folk art, the history of Russian teaching technology, moral*

Древняя Русь — удивительный и таинственный мир, о котором современный человек имеет представление благодаря дошедшим до наших дней памятникам письменной культуры, архитектуры, иконописи, фресковой живописи и многочисленным археологическим находкам, среди которых встречаются предметы быта, инструменты, оружие, украшения, детали одежды. Весь этот рукотворный мир вещей, окружавший человека Древней Руси X—XVII вв. от его рождения до смерти, удивляет высоким уровнем художественного мастерства; качеством материалов; долговечностью; математической соразмерностью частей и их пропорций; продуманностью каждой детали; гармоничным сочетанием красоты и пользы, формы и материала; и, в первую очередь, таинственностью причудливых укр.

Народное искусство стало неотъемлемой частью современного образования, однако педагогика наших дней не знает и не использует неисчерпаемый потенциал заложенных в народном искусстве возможностей духовно-нравственного воспитания и лишь отчасти обращается к накопленному многими поколениями этнопедагогическому опыту.

В то же время дошедшие до наших дней произведения народных ремесел и монастырских промыслов, все художественно-литературное наследие Древней Руси раскрывают уникальные представления нашего этноса о национальном воспитательном идеале и той педагогической среде, в которой возможно максимальное приближение к нему.

Переводная и древнерусская литература донесла до нас интерес наших предков к древнегреческому философско-педагогическому наследию. Из-

мышления софистов, пифагорийцев, Гераклита, Ксенофонта, Платона и Аристотеля о том, каким должен быть идеальный человек, полезный для полиса, какие элементы представляют гармонию его души и что необходимо для того, чтобы воспитать такого человека, часто цитируются в древнерусской литературе. Этот этико-эстетический идеал древнегреческой культуры, вызревающий в смене поколений, в философских учениях эллинов получил название калокагатия (греч. *kalos kai hagatos* — красивый и хороший).

В наше время достаточно хорошо изучено общественно-этическое измерение калокагатии времен античности. Еще лучше изучена его трансформация в этико-эстетический парафраз в границах классического философствования Европы Нового времени (гармоничное воспитание, реализующееся в здоровом образе жизни). На современном этапе развития педагогической науки предпринимаются попытки анализа идеала всесторонней развитой личности, строителя коммунизма, т.е. индивида, лишённого национально-го своеобразия. Есть немало успешных научных опытов исследования национального воспитательного идеала Древней Руси I—III вв. Однако среди всех этих трудов крайне редко можно встретить научный комплексный анализ того педагогического пространства, той воспитательной среды в котором предполагалось взращивать тот или иной идеал личности.

В рассматриваемый нами исторический период национальные представления о совершенной воспитательной среде для достижения этого идеала воплотились в первую очередь в храмоздательстве, в многообразном литургическом наследии Церкви, при-

званным от момента крещения младенца в купели воспитывать и восхищать человеческую душу единовременным воздействием различных видов искусств на все человеческие органы. В достижении воспитательного этико-эстетического идеала Древней Руси, воплощенного в богочеловеческой природе Христа, в Пресвятой Богородице и образах святых, пространство церкви выступает как явление и земное и внеземное (вне времени и пространства), существующее одновременно и на земле и на Небе. Согласно Священному Преданию, оно организовано по Откровению Божию. Так, например, согласно книгам Ветхого Завета Бог диктует Соломону каким должны быть размеры Храма, каково должно быть его узорочье и внешнее и внутреннее убранство, из каких материалов должны быть сделаны все предметы и священнические одежды, какие мастера должны над ними работать, сами Ангелы диктуют пророкам и апостолам священные тексты и гимны и т.д.

Однако не следует забывать, что и земные города и села в Древней Руси представляют собой хорошо организованное сообщество, подчиненное нравственному христианскому закону, и устраиваются по образу и подобию небесного града Иерусалима, где население его подчинено Слову. Жилища обустраиваются по образу и подобию Церквей. В народном изустном творчестве, песне, танце, в шедеврах традиционных ремесел и промыслов, в строгой обрядовости народного православного земледельческого календаря, во всем обустройстве жилого пространства древнерусского человека ощущается глубокая продуманность его воспитательного воздействия.

Особым механизмом создания педагогического пространства являлось согласованное педагогическое взаимодействие всей иерархии Святой Соборной и Апостольской Церкви с церковной общиной села, города, нескольких поселений и семей как малой Церковью, имеющих общий приход. Всё это — структурные составляющие педагогического пространства Древней Руси. Взаимодействие всех без исключения участников педагогического процесса из этих структурных составляющих было объединено строго регламентированной идеальной моделью образа жизни, жизни по Христу, по нравственным заповедям Нового Завета.

Педагогическое пространство наполнено определенной воспитательной средой. Заметим здесь, что наш подход к определению понятия *воспитательная среда* не противоречит тому, который возник еще в первой половине XX века и бытует в современной истории и теории педагогики, где под педагогической средой понимают все факторы, влияющие на развитие и формирование личности человека. В определении понятий педагогическое пространство и воспитательная среда мы опирались на систематизацию Н.Е.Щурковой [1].

Вслед за ней мы подразделяем воспитательную среду на поведенческое, событийное, информационное и предметно-пространственное окружение.

Поведенческая среда педагогического пространства Древней Руси рождается как некая единая карта поведения, за счет преобладания строго опре-

деленных нравственных норм, установившихся на основе церковного предания и многовековой традиции. В процессе обучения регламентированы интонации в обращении и его формы, подчеркивающие родственность душ (честные отцы, братья и сестры, матушка, батюшка, сынок, дочка — даже к постороннему человеку). Предписываются определенная мимика и жесты при беседе, позы при диалоге, характер совместной деятельности детей и педагогов, рамки дозволенного юмора в обращении с воспитуемым, возможные конфликты и их разрешение этического порядка, методы и приемы воспитания.

Событийное окружение в педагогическом пространстве Древней Руси — это совокупность исторических событий, попадающих в поле восприятия воспитанника, служащих предметом оценки, поводом к раздумью и основанием для жизненных выводов и сопереживанию. Цикличность годового и недельного церковного круга, обусловленная ими обрядовая сторона человеческой жизни и земледельческий календарь задавали предсказуемый характер событийного окружения. Нарушали этот народный лад христианской жизни только стихийные бедствия, пожары, войны и эпидемии. О них мы можем судить лишь отчасти в первую очередь по летописным и фольклорным источникам.

Наиболее мощным педагогическим воздействием, безусловно, являлось информационное окружение в педагогическом пространстве Древней Руси. До нас дошли свидетельства о богатых библиотеках при монастырях и приходских церквях (одна из них — при соборе Святой Софии Премудрости Божией в Великом Новгороде), традициях коллективного чтения и культуре слушания и даже традиции изустной передачи содержания книг по памяти. Благодаря археологическим находкам мы знаем, что в качестве первых учебников выступали священные тексты Библии, в первую очередь Псалтирь, полная глубокого символизма. Об уровне грамотности и любви к чтению свидетельствует и народное искусство, иллюстрирующее содержание древнерусских книг и фольклор, полный литературных заимствований, любовь к слушанию рассказов странствующих пилигримов, повествующих о других землях, высокий уровень развития образной речи наших предков, запечатленные в берестяных грамотах и сохранившихся письменных древнерусских источниках.

Для нас особый интерес представляет предметно-пространственное окружение жителя Древней Руси — внутреннее и внешнее убранство церкви, планировка города, села, деревни, улицы, предметный мир и интерьер жилища и других помещений, а также древнерусская одежда, в том числе одежда самого ребенка. Так, например, в народном искусстве идея дома-космоса, где каждая часть несла свою функцию, отчетливо проступает в системе росписей интерьера, которые были распространены на Севере, в деревнях Поволжья, на Урале и в Сибири до второй половины XIX века. Красный угол в избе уподоблялся заре (здесь помещались солярные изображения-символы), знаменуя собой восток, потолок — небесному своду. Ему уподоблялась и крыша над фронто-

ном, украшенная звездами и солярными знаками.

Сходные архитектурные формы и принципы наблюдаются и в церковном зодчестве и в народной одежде. Эта связь определена отношением к миру, где все живет в единстве и взаимосвязи с Богом и мирозданием, подчиняясь круговороту времени с ориентацией на вечность.

Все это создавало особый возвышенный психологический фон, на котором разворачиваются взаимоотношения всех, кто участвует в педагогическом процессе.

Синкретичное народное искусство Древней Руси породило уникальное, неповторимое по своему национальному колориту педагогическое пространство, которое через особый символический язык оказывало мощное воздействие не только на рассудок, но и на все структуры подсознания на протяжении всей человеческой жизни.

Среди прообразовательных знаков народного узорочья — барсы, львы, грифоны, замысловатые плетеные растительные орнаменты, деревья с птицами, олени, кони. Все эти символические изображения встречаются и в резном дереве, и в металле, и в белокаменной резьбе древнерусских церквей, и на фрагментах старинных одежд, и в заставках и инициалах древнерусских священных книг, и на предметах быта, и в искусстве древнерусского слова.

Самое же удивительное состоит в том, что этот тайный символический язык древних христианских богословов патристического периода первых трех веков нашей эры [2], язык пророчеств и притч, используемый для обращения в веру язычников, дошел до наших дней практически без изменений. Дошел не только через церковные ремесла и толкования библейских текстов от святых отец, но и в произведениях народного творчества славянских народов, в первую очередь православных. Сопоставление археологических и этнографических материалов, анализ произведений некоторых современных авторов, в чьем творчестве наиболее ярко выражен национальный характер, позволяет говорить о неизменности прообразов народного искусства и неосознанной сохранности в народной языковой диалектной и исторической памяти заложенных в них иносказательных смыслов от апостольских времен.

Произведения мастеров монастырских промыслов и народных художественных ремесел через прообразовательный язык символов несут в себе единый ценностно-значимый и строго определенный смысл. Они раскрывают особое христианское мировоззрение. Истолкованию этого прообразовательного языка служат книги Дионисия Ареопагита, учителей Церкви святителя Иоанна Златоуста, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Епифания Кипрского и других, знаменитые «Физиологи», «Бестиарии», книги вроде «Толковой Палеи». Все эти книги были любимы народом и имели широкое хождение в средние века во всех слоях общества.

За каждым предметом видятся сложная система отношений, глубокие духовно-нравственные категории, постепенно раскрывающиеся перед ребенком по мере взросления его нравственного сознания. Ино-

сказание, символ, загадка, притча, метафора, пословица или поговорка по мере воцерковления постепенно раскрывают свой смысл перед сопричастником Христовых Тайн и возносят до понимания сложнейших философско-богословских идей и истин. Они знакомят ребенка с прошлым, языческим духовным опытом словенского этноса, но знакомят с позиций христианина — являя нравственную оценку настоящего, пророчествуют об апокалипсисе, о будущей окончательной победе Добра над злом, Жизни над смертью, Света над тьмой и торжестве Православия. Выражая эту пасхальную победоносную радость в буйстве красок, насыщенности цветов, радостном сочетании звуков, танцевальных движениях и музыкальных ритмах, передавая чувства то неудержимого веселья, то тихой радости или светлой печали, произведения народного творчества порождают ощущение жизнерадостности, вечного праздника, удивляя этим даже непосвященного зрителя.

За вещами угадываются интересы и нравы того времени, раскрывается национальный характер народо-творца. Материальные средства выступают для всех участников средневекового педагогического пространства как условие наилучшего состояния каждого члена соборного единства, когда человек активно заботясь об этом мире и его обустройстве, печется о своей участи в мире ином, творчески преобразуя предметное пространство с молитвой. Молитва народного мастера при создании произведения задает определенный легко читаемый в ней ритм, который также заметен любому наблюдательному глазу.

Любопытно, что вся эта сложнейшая и тонко продуманная система духовно-нравственного воспитания, удивительно устойчивая во времени, восходит к первым трем векам нашей эры. Сравнительный анализ дошедших до наших дней фольклорных произведений, этнографических русских народных обычаев и обрядов, организации русского крестьянского быта и нравов с книгами учителей Церкви патристического периода, в частности учителей первого в христианском мире Огласительного училища, александрийского высшего учебного заведения, которое готовило миссионеров для просвещения языческих народов, обнаруживает их прямую связь. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть труды пресвитера Кирилла Александрийского, в которых он подробнейшим образом раскрывает понятие христианской педагогики и особенности организации не только всего педагогического процесса, но и педагогического пространства, предлагая свод правил относительно пищи, питья, домашней утвари, поведении на братчинах и в обществе, о смехе и скоморошестве, об употреблении помад, духов и венков из цветов, об одежде и обуви, ювелирных украшениях, об истинной красоте, о добром и дурном сообществе, о пользовании банями, т.е. об идеальном образе жизни истинного христианина. Труд этого мыслителя, спорившего с гностиками своего века, носит название «Педагог» [3]. В «Строматах», в книге четвертой Климент говорит об отношении совершенного человека к вещам этого мира, а в пятой книге подробнейшим образом разбирает вопросы символизма в рисунках египтян и

пифагорейского символизма, рассуждает о символизме различных языческих народов, а также эллинов и христиан [4]. Кстати, интересно даже название книги, посвященной апостольскому освоению Софии Премудрости Божией — Строматы, что переводится с греческого как «ковер из лоскутков». Это объясняет устойчивую русскую традицию облачать младенцев в пелены, сшитые из разноцветных кусочков ткани, и укладывать их на подголовники, шитые золотом и жемчугом, а также традицию скрывать супружеское ложе за лоскутной завесой и покрывалом.

Более того, нетрудно заметить, что русский фольклор, в первую очередь паремии, заключает в себе типологический или прообразовательный метод толкования Библейских текстов, используемый в Евангелии и у апостола Павла (Гал. 4; 22-23). Согласно летописным сводам он был одним из просветителей словен, когда они еще были единым народом. Прикладное народное творчество, которое менее искусства изустного слова оказалось подвержено влиянию различных ересей и исторических казаклизмов, также является свидетельством того, что именно этот метод православной экзегезы использовался при оглашении языческих племен, населявших территорию Древней Руси. Любопытно, что этнографы зафиксировали отношение народа к произведениям прикладного творчества их предков как к чистому духовному источнику. По словам мастериц, народное узорочье несет в себе только Добро и Свет, в нем никогда не изображают ничего злого или нечистого.

Таким образом, стихийные элементы в педагогическом пространстве Древней Руси были сведены к минимуму. Нравы различных социальных групп если и различались, то не существенно. Процесс воспитания длился от рождения до смерти человека. Этот единый уклад жизни меняется на Руси с началом церковного раскола и воцарением рода Романовых. Именно тогда народная педагогика становится хранительницей древних строобрядческих традиций воспитания и появляется официальная педагогика

новообрядческой Церкви. Эта педагогика за несколько веков теряет свои позиции в государственном устройстве и со временем вырождается в атеистическую педагогику советского периода. Светская педагогика характеризуется сужением и разобщенностью педагогической среды и бесконечными педагогическими поисками, уводящими русскую педагогику все дальше от ее изначального предназначения как детоводительницы ко Христу.

1. Пугачева Н.Б., Яковлев К.Г., Абизов И.Е. Воспитательное пространство как категория педагогики // Вестник Чувашского университета. 2007. Т. 3. С. 359-366.
2. Голейзовский Н.К. Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1983. С. 197-247.
3. Пресвитер Климент Александрийский. Педагог [Электр. ресурс] // Азбука веры. Православная библиотека. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog (дата обращения 28.02.2016).
4. Пресвитер Климент Александрийский Строматы [Электр. ресурс] // Азбука веры. Православная библиотека. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/ (дата обращения 28.02.2016).

References

1. Pugacheva N.B. et al. Vospitatel'noe prostranstvo kak kategoriya pedagogiki [Educational environment space as a category of pedagogy]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2007, vol. 3, pp. 359-366.
2. Golejzovskij N.K. Semantika novgorodskogo teratologicheskogo ornamenta [Semantics of Novgorod rope ornament]. In: Drevnij Novgorod. Istorija, Iskusstvo, Arxeologiya. Novye Issledovaniya. Moscow, 1983, pp. 197-247.
3. Presviter Kliment Aleksandrijskij. Pedagog [Clement of Alexandria. A Teacher]. In: Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/kliment_aleksandrijskij/pedagog (дата обращения 28.02.2016).
4. Presviter Kliment Aleksandrijskij. Stromaty [Clement of Alexandria. Stromata]. In: Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/kliment_aleksandrijskij/stromaty/ (дата обращения 28.02.2016).